

П. К. Жижко
Екатеринбург, Россия

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НЕРЕАЛЬНОМ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются элементы представления о нереальном в русской художественной прозе рубежа XVIII-XIX вв., которые создают образ таинственного, мистического. К таким репрезентантам нереального относятся цветовые и числовые символы, элементы сакрально негарантированного хронотопа, мифоритуальные действия и атрибуты. Автором верифицирована психологическая реальность выявленных языковых репрезентантов нереального путем использования психолингвистических процедур: свободного и направленного ассоциативного эксперимента, моделирования ассоциативных полей от соответствующих стимулов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: элементы нереального; языковые репрезентанты; языковое сознание; русский язык; экспериментальные исследования; этнолингвистика; психолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Жижко П. К., Уральский государственный педагогический университет.
Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

P. K. Zhizhko
Ekaterinburg, Russia

THE DYNAMICS OF BELIEFS ABOUT UNREAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: EXPERIMENTAL DATA

ABSTRACT. The article analyzes the elements of the unreal in Russian fiction of the turn of 18-19 centuries, which create the image of the mysterious, mystical. Such representatives of the unreal include color and numerical symbols, elements of the sacral non-guaranteed chronotope, miforitualnye actions and attributes. The author verified the psychological reality of the revealed language representatives of the unreal by using psycholinguistic procedures: free associative experiment, modeling of associative fields from the corresponding stimuli.

KEYWORDS: elements of the unreal; linguistic representatives; linguistic consciousness; Russian language; experimental research; ethnoлингвистics; psycholinguistics.

Понятие «нереальный» в традиционной культуре выступает как элемент так называемого сакрального, магического, отражающего «... зафиксированные в языке стереотипы сознания этноса. В этих стереотипах отражаются ... суеверия, обычаи, народный календарь природы, регламентированные формы коммуникации» [Гридина, Коновалова 2012: 83] и др. Представления о нереальном находят отражение в разных текстах культуры, в том числе – в художественной прозе. Одним из наиболее интересных в этом плане периодов развития русской художественной литературы является рубеж XVIII-XIX веков, который можно считать началом формирования художественной фантастики. Именно в это период в русской литературе отмечаются первые попытки создания художественного образа нереального, мистического, «потустороннего» (М. Д. Чулков, М. И. Попов и др.).

К этому направлению можно отнести и творчество Антония Погорельского. Предметом анализа в данной статье являются «знаки нереального» в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница», одной из наиболее ярких в ряду фантастических повестей русской литературы рубежа XVIII и XIX веков.

Опираясь на понимание сакрального, представленное в работах Н. И. Коноваловой (см., например: [Коновалова 2004, 2012]), мы выделили в тексте маркеры нереального, к которым отнесли числовую и цветовую символику, обозначения мифоритуальных действий и атрибутов, названия сакрально негарантированных локусов и временных отрезков:

1. Три. Ср.: *«Трижды три раза старуха обошла вокруг стола, продолжая таинственный напев свой...»*

Число «три» наполнено мистическими коннотациями, символизирова жизнь, мироздание, триединство, в данном же контексте добавляется семантика ритуальной законченности действия, ведущего к исполнению задуманного в соответствии с прагматикой жанра.

2. Колодец. Ср.: *«...и Маша ясно увидела, как подле колодца стояла покойная бабушка и манила ее к себе рукою...» // «Подходя к колодцу, слышался ей жалостный вопль, как будто выходящий с самого дна» // «Вода в колодце сильно закипела...»*

В повести А. Погорельского колодец играет сюжетобразующую роль и представлен как магико-ритуальный локус, негарантированное пространство, что находит отражение в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: «из-за связи с водой и подземельем осмысливается как пограничное пространство <...> канал связи с потусторонним миром» [СД 2004, т. 2: 536]. Исследователями отмечается, что «... лексикографическая фиксация должна учитывать внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями» [Гридина, Коновалова 2017: 125].

3. Черный кот. Ср.: «... *иные даже божились, что любимый черный кот, каждое утро провожающий старуху до ворот и каждый вечер ее встречающий, не кто иной, как сам нечистый дух*» // «... *перед нею плавно выступал черный кот с сверкающими глазами и с поднятым вверх хвостом*» // «*За нею на задних лапах сидел черный кот, и оба глаза его в густом мраке светились как огни*».

Известно, что кот – животное, «наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями» [СД 2004, т. 2: 637]. В повести А. Погорельского черный кот – зооморфное воплощение представлений о нечистой силе. Это вполне соотносится с положением о том, что «этноспецифические и типологические аспекты вербального означивания явлений действительности проявляются в сфере метафорической номинации, которая выступает способом оценочной параметризации мира в образах обыденного и мифологического сознания» [Гридина, Коновалова 2019: 200].

4. Свеча. Ср.: «*Старуха подвинула стол на середину комнаты, из стенного шкафа вынула большую темно-алую свечку, зажгла ее и прикрепила к столу...*»

Свеча является «атрибутом семейных, календарных и окказиональных обрядов, праздников, религиозных практик, жертвоприношений, повседневных и магических действий». [СД 2009, т. 4: 567].

5. Карты. Ср.: «...*на шатком дубовом столе лежала колода карт, на которых от частого употребления едва можно было различить бубны от червей...*» // «*бралась за карты или прибежала к кофейнику или к решету. Из красноречивых ее уст изливались рекою пророчества о будущих благах...*»

Карты являются неизменным атрибутом при гаданиях или свершениях других обрядов, связанных с прогнозированием бу-

дущих событий, значимых для человека. В основе стратегий прогнозирования «... лежит стремление обнаружить и интерпретировать знак как символ какого-либо события» [Гридина, Коновалова 2012: 84].

Представления о нереальном, отражая стереотипы национального сознания, тем не менее, с течением времени подвергаются разного рода трансформациям, чаще всего обусловленным экстралингвистическими факторами. Психологическую реальность таких представлений можно выявить экспериментально. Теоретической основой данной статьи «служит обоснованное в психологии положение о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций» [РАС 2002, т. 1: 7]. Другими словами, на основе данных ассоциативного словаря можно говорить о некоторой усредненной модели сознания, «...которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными значениями) о русской культуре, ... о фрагменте образа мира» [РАС 2002, т. 1: 7].

Приведем словарные статьи из РАС, представляющие собой ассоциативные поля соответствующих (выбранных из текста маркеров нереального) стимулов:

Три: четыре 15; два 9; пять 6; толстяка 5; рубля 4; банана, десять, поросенка, сестры 3; года, один, раза, товарища, человека 2; апельсина, балла, века, вещи, восемь, да хоть сто, двадцать три, две, дерева, дня, друга, дурачки, звезды, кита, книги, козла, колодца, копейки, круг, листка, магия, минуты, не знаю, нет, пальца, пальцы, петь, пить, привета, пьянка, студа, суеверие, счастье, счет, тополя, тополя на Плющихе, удовлетворительно, часа, число, штуки, 10, 13, 4, 5 [РАС 2002, т. 1: 666].

Колодец: глубокий 27; вода 11; с водой 5; ведро, глубина 4; бездонный 3; деревня, дай воды напиться, молодец, не плюй, плевать, чистый 2; в деревне у бабушки, ваза, вкусно, водица, воды напиться, глубокая вода, глубоко, грязный, деревянный, дыра, дырявый, заброшенный, звездное небо, знаний, ключ, круглый, морозец, не плюют, небо, открыт, палец, пить, плевоч, погреб, прозрачная вода, родник, с водкой, с холодной водой, свежесть, сказка, сруб, темный, холодно, холодный, шахта, энергии, яма [РАС 2002, т. 1: 260].

Кот: *черный 15; собака 7; Бегемот 5; животное, пушистый 4; в мешке, в сапогах, молоко 3; большой, домашний, зверь, мартовский, Матроскин, мышь, рыжий, серый 2; Баюн, белый, бешеный, Васька, Вася, воск, выбежал, грация, грязь, гуляет, гуляка, дикий, довольный, друг, жир, жирный, змея, коренной обитатель тюрьмы, кот, котиче, кошка, красивый, крыша, Любава, мой, мот, мяукает, наплакал, не люблю, облезлый, перешел дорогу, полосатый, радостный, сволочь, самский, слон, сметана, спит, усатый, ученый, хитрый, хозяин группы риска, ярый* [РАС 2002, т. 1: 272].

Карты: *игральные 19; гадальные, игра 10; в руки 8; играть 6; преферанс 4; биты 3; валет, дама, на стол 2; азарт, анатомические, атласа, вечера, вино, все раскрыты, гадание, географические, деньги, для игры, для игры в покер, журнала, игральный, искать страну, картинки, колода, компас, контурные, король, лгут, меченые, мира, море, мысли, настенные, не умею, новые, ночь, пасьянсные, плакат, покер, разврат, раскласть, сбросить, сдавать, Спиноза, сувенирные, тетрадь; тройка, семерка, туз, успокоение, хорошо, черви, штабные, шторы.*

Свеча: *горит 24; догорела 6; свет 5; воск, горящая, догорает, огонь, погасла, 4; восковая, гаснет, машина, ночь, сгорела, 2; большая, газета, гаснет на ветру, горела, гореть, горит ярко, горячая, двигатель, длинная, догорала, догорающая, единственная, елка, загашенная, зажглась, интим, красиво горит, лампа, любви, маленькая, морозить, Новый год, одиночество, Пастернак, пламя, потухшая, светит, свеча, спичка, стеариновая, тает, темно, темнота, тонкая, церковная, церковь* [РАС 2002, т. 1: 573].

Отметим, что в РАС слабо представлена мифоритуальная символика единиц поля «нереальное», лишь некоторые реакции (в основном периферийные) можно весьма условно соотнести с мистическими смыслами. Сами стимулы можно распределить на 2 группы:

1) стимулы, которые вызвали некоторые ассоциации с таинственным, мистическим, мифоритуальным: *карты, свеча;*

2) стимулы, которые вызвали опосредованные ассоциации, «намекающие» на связь с нереальным: *три, колодец, кот.*

Результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами со студентами-филологами, в основном коррелируют с данными РАС: в ассоциативных полях доминируют реакции профанного типа, и лишь поле *черный кот* (вариант

направленного ассоциативного эксперимента с ограничением в стимуле) можно развернуть в мистический сюжет. Ср., например, ассоциаты: *несчастье, Бегемот, беда, ведьма, дорога, лукоморье, не перешел еще дорогу, несчастье, неудача, переход, примета, черная кошка, ведьминский, кот ведьмы, лунный, суеверие, Хэллоуин.*

Таким образом, можно сделать вывод, что выбранные нами из текста маркеры нереального в основном лишь опосредованно сохраняют свою связь с сакральными смыслами. Однако для верификации этого вывода нужны эксперименты другого плана, позволяющие выявить более глубокие ассоциативные связи, в частности, направленный ассоциативный эксперимент и метод заполнения текстовых лакун, метод прямого толкования и др. О возможности считывания глубоких сакральных смыслов свидетельствуют, в частности, результаты направленного ассоциативного эксперимента с использованием техник прямого толкования. Испытуемые должны были объяснить предложенные стимулы (ирреальный, мистический, сакральный) и проиллюстрировать их.

Приведем наиболее частотные ассоциаты и примеры их интерпретации.

Ирреальный:

- 1) нереальный, потусторонний, что не может быть в реальном мире. Например, персонажи нечистой силы: леший, домовый русалки;
- 2) несуществующий, например, магия ирреальна;
- 3) фантомный, несуществующий, ложный предмет или явление, например, ирреальные условия;
- 4) нереальный, т. е. иллюзорный, несуществующий в реальности, например, сказочный мир;
- 5) параллельный реальному, т. е. ирреальный мир;
- 6) ненастоящий, например, призрак, галлюцинация.

Мистический:

- 1) таинственный, например, обряды на Ивана-Купала, прыгание через костер, сжигание чучела на Масленицу;
- 2) тайный, сакральный, например, снизошел Святой Дух;
- 3) неподдающееся логическому объяснению, не вписывающийся в рамки этого мира предмет или явление. Например, кто-то увидел приведение, мистический образ; треугольник Пенроуза;

4) магический, необъяснимый. Например, переместиться мистическим образом, в полнолуние происходит что-то мистическое;

5) нечто, доступное только избранным, что-то запретное и сложное, связанное с ритуалами, обрядами и оккультизмом;

6) таинственный, магический, связанный с мистикой, потусторонним миром, недоступный для понимания: НЛО, сон, мир.

Сакральный:

1) священный, например, церковные обряды: крещение, службы, сакральная книга;

2) библейский, например, Тайная Вечеря;

3) тайный, ритуальный: сакральный обряд посвящения;

4) потустороннее, тайное, связанное с религией: сакральный смысл;

5) нечто потаенное, связанное с высшим, духовным, божественным, не опасное;

6) имеющий особое значение, например, сакральный жест, знак;

7) скрытый, личный, сокровенный: сакральный смысл, сакральный образ матери;

8) недоступный: книга, рукопись, письмена, ритуал.

Подводя итог, можно сделать вывод, что слова с явной мистической коннотацией в художественных текстах XVIII-XIX столетия в сознании читателей XXI века в основном десакрализованы, семантика мистического вытеснена из ядра ассоциативных полей на периферию, в ассоциативных полях сакральных стимулов доминируют профанные реакции, за исключением прецедентов «филологического» фона респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т. А. Кошка. Колодец. Свеча // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. С. 637, 536, 567.

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь. – М., 2004.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Ручин. – 2019. Т. 56. С. 198-212.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Игровая прагматика русских народных примет // Лингвистика креатива-2 / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. С. 83-100.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. – 2017. № 11. С. 119-131.

Коновалова Н. И. Лечебные разговоры как суггестивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. Т. 4. № 7. С. 67-75.

Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. – 2012. № 3 (29). С. 5-11.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Изд-во «Астрель», 2002. – Т. 1. От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов. – 784 с.

REFERENCES

Agapkina T. A. Koshka. Kolodec. Cvecha // Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. – M. : Mezhdunar. otnoshenija, 2004. S. 637, 536, 567.

Brileva I. S., Vol'skaja N. P., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Krasnyh V. V. Russkoe kul'turnoe prostranstvo : Lingvokul'turologicheskij slovar'. – M., 2004.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Zoomorfizmy kak osnova modelirovanija frazeologicheskoj semantiki: russko-pol'skie sootvetstvija // Ruchin. – 2019. Т. 56. S. 198-212.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Igrovaja pragmatika russkih narodnyh primet // Lingvistika kreativa-2 / pod obshej red. prof. T. A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2012. S. 83-100.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Parametry leksikograficheskoj interpretacii dialektnoj frazeologii: lingvokul'turologicheskij aspekt // Voprosy leksikografii. – 2017. № 11. S. 119-131.

Konovalova N. I. Lechebnye zagovory kak suggestivnyj tekst // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2004. Т. 4. № 7. S. 67-75.

Konovalova N. I. Tradicionnaja narodnaja kul'tura v zerkale jazyka // Filologicheskij klass. – 2012. № 3 (29). S. 5-11.

Popova Z. D., Sternin I. A. Oчерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Russkij asociativnyj slovar' : v 2 t. / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov. – M. : Izd-vo «Astrel'», 2002. – Т. 1. Ot stimula k reakcii : Ok. 7000 stimulov. – 784 s.